рый входит в житейски-узкий коридор, куда эта речь за ним уже не пролезает. Она как бы комкается и деформируется, она прежними сложными приёмами пытается отразить примитивную реальность коммуналки и задних дворов. Красиво рассказывать о некрасивом мире, связно рассказывать о разорванном – вот, может быть, самая яркая особенность художественного дара и метода Бахтина.

Именно в этом – отрадная новизна художника. Наша литература знала типажи восходящие и типажи устойчивые. Здесь же идут нисходящие типажи, которым из сложной и развитой жизни приходится перековывать себя на жизнь примитивную и скомканную.

Трагическая судьба Усольцева, чувственно-нервный уход и «плотская душа» Валерии, рассыпающийся в прах быт Суходольских (мне вспомнился бунинский Суходол – думаю, неспроста такая игра аллюзиями у автора)… Далее, напряжённая, расщеплённая изнутри устойчивость Калинцева – который словно бы не верит, что *так* живёт. И словно бы с минуты на минуту ожидает проснуться, стряхнуть морок, облегчённо вздохнуть – что *это* лишь привиделось…

В Бахтине можно видеть «музей быта» безвременья начала XXI века, можно видеть «историка мысли» этого надломного рубежа, но мне кроме этого видится в его строках драма интеллигенции, ошеломляющим порывом исторической бури поменявшейся местами с быдлом и маргинальным подпольем.

Когда асоциальное вдруг стало «образцом» и учительствует, а наиболее социальное, рафинированное – воспринимается окружающим миром как аномалия. Мир, в котором норма стала патологией, патология же нормой. Это не только переживается множеством персонажей, «хлопочущих перед праздником», единственно-бесспорным, календарным, странным в своей календарности. Это ещё и постоянно обсуждается ими как отвлечённо, философски, так и в перекошенном крике бытовой истерики. Роман ведёт нас через штормы духа, через взбаламученные широты; ты погружаешься в авторский мир, сопереживаешь, соощущаешь, вглядываешься в его отчётливую картинку, вроде бы до боли знакомую, – уже под особым, авторским углом зрения.

Великое это искусство, взять человеческое имя – и вдохнуть в него жизнь, характер, заставить заиграть красками индивидуальности. Игорь Бахтин – мастер детально прорисованного реализма, жизнеотражатель, он умеет передать и вкус и запах бытовой сценки, подать привычную, казалось бы, ситуацию языком почти притчевым.

В работе над своими образами Игорь Бахтин столь же внимателен и многодетален, столь же протокольно относится к мелочам эпохи, как мой земляк Сергей Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» относился к нравам и повадкам нашей фауны. В романе Бахтина мы обретаем правдивый документ эпохи, слепок скорби и надежд простых людей, не приукрашенный (или не испорченный) никаким приёмом сюжетной завлекательности.

Это широкое и порой даже утомляющее предельной детализацией полотно жизни русских людей начала XXI века, энциклопедия их быта и – очень важно! – их представлений о жизни, возникающих частично из этого же быта, частично – Бахтин мастерски это показывает – из противопоставления ему. Это почти забытый ныне тон настоящей литературы, не пытающейся сюсюкать, шокировать, рассмешить или оглушить. А стремящейся говорить с читателем на равных. Бахтин не шоумен и не громовержец. Он писатель-собеседник. Тем и дорог.

г.Уфа

Юрий МАНАКОВ

Незабудки

Размышления о романе Екатерины Блынской «Время ласточек»

Из романов, прочитанных мной за прошедший «ковидный» год и первые месяцы наступившего, заметный след в душе оставили четыре вещи: «На Кресах всходних» Михаила Попова, фантасмагорическая трилогия «Апологет» Александра Леонидова, «Реки помнят свои берега» Николая Иванова и «Время ласточек» Екатерины Блынской.

Великолепное созвездие авторов – это к вопросу о том, что якобы русская литература, и главное, эпические и большие её формы, после нашествия опустошительного постмодернизма сегодня не востребованы, и вообще: приказали долго жить. Как бы не так! Не надо выдавать желаемое за действительное… Русская цивилизация перемалывала и не такие набеги и вторжения. И как показывает сегодняшний день: мы продолжаем сосредотачиваться, и, причём по всем направлениям. Да, нам пока еще трудно, потери большие, морок до конца не рассеялся; недоброжелатели, не только внешние, но и внутренние, из тех самых, у кого слюнки текут и хронический зуд плюнуть в колодец, из которого только что пил, злопыхают и злорадствуют по любому поводу. Но в целом, идёт осмысление той кромешной катастрофы, в которую в 90-х столкнули страну политические проходимцы и мерзавцы.

Наши романисты творчески вылепливают и анализируют прошедший XX век и те недавние события, через которые прошла Россия; в своих талантливых произведениях дают художественную, порой жесткую и нелицеприятную картину, случается, что в романах немало горечи, досады, иногда даже имеет место и отчаянье, однако никогда не встретишь здесь безнадёги и глумления. Как мне кажется, писатели как опытные врачи пока лишь только определяют и ставят диагноз. Полагаю, что в недалёком будущем за этим последуют процессы лечения и оздоровления.

В связи со сказанным хотел бы поделиться своими впечатлениями от недавнего прочтения романа Екатерины Блынской «Время ласточек», размещённого на страницах сайта «День литературы». Скажу сразу: читал, с наслаждением погружаясь в это несказанное пиршество родной и живой речи, наших русских глубинных смыслов и слов, народных оборотов. А как искусно и тонко прописана психология главных героев и персонажей! Сюжет выстроен вроде бы незамысловато и линейно: действие в основном происходит с весны через всё лето и до глубокой осени в одной из южнорусских деревень Антоново и её живописных окрестностях, однако произведение насыщено самыми разными колоритными событиями. И они вполне искупают отсутствие закрученного на парадоксах и неожиданностях сюжета. Перед нами обнажённо-безжизненная, местами даже колющая глаза наползающая разруха и проступающая обречённость соседствуют – по-Высоцкому – «с гибельным восторгом» не собирающейся сдаваться жизни. Подобно тому, как сейчас, уже по второму году, из-за коронавирусной напасти весь мир и наша страна находятся в искривлённом, порой до маразма и безобразия, состоянии, так и тогда, на сломе веков, бывшая советская деревня переживала опасное отупение и пугающую неопределённость. Колхозы разворовывались, по ним как Мамай прошёл, земли и скот прибирались к рукам пронырливым руководством и прочими процелыгами. Кормилица-деревня от безысходности начинала спиваться. По горьким словам главного героя Глеба Горемыкина: «…провалится эпоха в алчную землю, жрущую детей своих без разбора – наступили последние времена плуга, бороны. Гнильба – их участь…». Как тут не вспомнить «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, «Кануны» Василия Белова. Однако, если в их пронзительных и трагичных произведениях-предупреждениях русская деревня, пусть и через колено, уродливо, но перестраивалась и пыталась приспособиться к новой действительности, то в романе у Екатерины Блынской нам представлен конец, распыл той патриархальности, в которой тысячелетие жила и корнями которой питалась вся русская цивилизация. Воистину, есть над чем задуматься каждому, кому дорога судьба нашего Отечества.

Автором мастерски и зримо развёрнуты пейзажи, как правило, плавно перетекающие в действие, как например этот:

«Тишина висела над яром. Плотина поблескивала водным зеркалом, похожая с высокого берега своей формой на вареник. Рыба плескалась в теплоте лунной дорожки. Глеб, оглядывая пушистые камни овец, неслышно, словно жук-плавунец, под вздохи стада нашёл барана покрупнее у самой ограды…».

Только действие-то это особенное – главный герой выбирает барана жирней, чтобы умыкнуть его и угостить шашлыком новых соседей: недавно купивших здесь дачу родителей приглянувшейся парню Лизы. Ладно бы из своей отары, а то ведь из колхозной. Читая этот эпизод, невольно вспоминаешь песню советских времён: «И всё вокруг колхозное, и всё вокруг моё!». Правда, тогда и многие колхозы-то гремели по урожайности и достатку на весь Советский Союз, а описываемое в романе коллективное хозяйство уже дышало на ладан, и дела в нём шли через пень-колоду. Новоявленные то ли владельцы, то ли арендаторы, как видно, не могли ему дать ума, жульничали, за земельные паи толком не расплачивались, поэтому и местный народ платил им тем же: брал, что плохо лежит…

Размашисто, щедрыми красками рисует Блынская образ Глеба Горемыкина. В нём одновременно просматриваются характерные черты и повадки босяка Челкаша и беззаветного Данко. Парень, как и персонажи Максима Горького, с берегов Чёрного моря. Про таких как Глеб раньше говорили: атаман, заводила; сегодня же вещают более заумно – харизматическая личность. Селяне «его уважали и любили, и всё больше за безотказность в помощи». Лицо у Глеба красивое, волевое, сам стройный, подобранный и жилистый – за что ни возьмётся, всё в руках горит. Не лишён парень и чувства народного простецкого юмора – таким вот образом он вразумляет быка-озорника Мишку: «Надо головой думать, а ты всё ешь в неё…». Или ещё пример: в первые дни знакомства, катаясь с Лизой на лодке, он срывает бутон лилии и шутливо-ласково передаёт девушке. Цветок нежно-белый, лепестки раскрываются, а там крохотные паучки – «Лиза аж завизжала…». Такой вот прикол, но кто в молодости так не подшучивал? В иных условиях, при более щадящих обстоятельствах этот человек мог бы развернуться в полную силу, а здесь на нём лежит забота о младших сестрёнке и братике, о хворающей матери. И по сюжету видно, что он их по своей воле никогда не бросит, не оставит. И это дорогого стоит.

Писательский глаз у Блынской острый, не поверхностный; автор, как нынче принято говорить: в теме. «Тоскливые дни на пастбище тянулись, как смола…» – воистину так! Примерно в те же годы жил я в алтайском посёлке, держал скотину, приходилось по очереди пасти стадо, ощущения переданы одной строчкой, но лучше не скажешь. Или вот это – «ушёл подстригать коню

копыта» – тоже знакомо! «Встромил косу в землю…» – это когда пройдёшь прокос и остановишься поправить оселком лезвие своей «десяточки». И подобного в романе богатые россыпи!

Несколько строчек о языке персонажей и в целом всего романа. Да, он насыщен молодёжным сленгом, но не перегружен, без приблатнённой распальцовки, вычурности и пошлости; и в нём почти нет ненормативной лексики, тогда как условия и быт, в которых выживают персонажи, просто аховые, и по сегодняшним меркам кто бы другой эту вещь так нашпиговал матерщиной, что хоть святых выноси. Екатерина же Блынская показывает нам, как убедительного и правдивого результата можно вполне достичь, не опускаясь самому и не опуская своего читателя до грязной словесной помойки. Автор лишний раз доказывает, что кладезь нашего великого языка по-прежнему неисчерпаем!

Не уловил я в повествовании и намёка на развязность и некую фамильярность, к сожалению, так свойственную в наши дни текстам не только молодых литераторов, но и возрастом постарше. Художественное полотно выдержано и в ярких, берущих за сердце красках, и обнажённой колючей правдой описываемой действительности. Обворожительный южнорусский суржик-говорок, метафоры-образы, сочные сравнения: «кохана», «хучь», «в вулишной», «к едреням», «яблок не потыришь», «дзякую за ваши лохматые тюльпаны», «развесистая сосна с розовой слюдяной кожей», «Лелька опустила голубые глаза, яркие, как цветки цикория», «идём за бухарестом…» – то есть за выпивкой, «бухлом». Живописных строк в романе, как бархатистых и красивых лепестков в цветке распустившейся астры. Текст такой живой и цельный – его хоть весь разбирай на цитаты! И я, конечно же, не откажу себе в удовольствии выписать еще пару-тройку примеров: «солнце в тумане висело пышным комом, спутанное волокнами облаков» – понятно, что перистых. У Лизы волосы, «цвет которых напоминает только что скаченный из рамок подсолнечный мёд». Или такое вот тонкое и необычное наблюдение: «ветер в тростнике издавал шумный шорох, похожий на неразборчивую непрестанную молитву…».

Западающими в память, тёплыми и трогательными словами отражены на страницах романа первые, порой неловкие и робкие чувства зарождающейся любви между Глебом и Лизой. Нет здесь высокого, изысканного стиля, всё происходит на фоне выпивок и расхристанных компаний, как молодёжных, так иногда даже и подростковых посиделок. Казалось бы, какие чувства, кроме полупьяных вожделений и случек, могут тут иметь место, но в том-то мастерство и душа автора, умеющего тонко и достоверно передать всю искренность и головокружительную непосредственность, с которыми молодые люди тянутся друг к другу. Есть в романе ситуации, когда Лиза и Глеб просто счастливы от того, что они рядом и, как раньше говорили: парят на седьмом небе. Читаешь и переживаешь, так хочется, чтобы всё у них получилось, и влюблённые дальше по жизни шли вместе, рука об руку. Однако в обществе уже проросло чертополохом социальное разделение, и чуткий ко всему Глеб это видел, «понимая отчаянно, что он как трава, а она как цветок над этой травой. Они растут из одной земли, но смешаются вместе, только умерев».

А как самозабвенно относится к Глебу Лиза. Кажется, она тоже готова на всё ради своего любимого, даже головой в омут; и минуты без него не проживёт. Но, как увидим дальше, роль Джульетты не для этой девушки. На несколько дней Лиза по делам уезжает в Москву и там её навещает бывший однокурсник, разбитной мажор Филька под предлогом осмотреть сломавшийся компьютер. Прежде их отношения были всего лишь дружескими, а в этот раз Филька по-хозяйски уселся в кресло, пробежал пальцами по клавиатуре и притянул к себе подошедшую Лизу. Вот как филигранно передаёт Блынская состояние девушки, которой и в этот миг всё еще кажется, что она влюблена в Глеба: «на Лизу внезапно напал страх. Такой страх, как будто она сейчас стоит перед стеной огня и нужно войти, обязательно войти, хоть и горячо, так горячо, что ресницы уже горят…». И вошла-таки, вернее – пала под банальное Филькино бормотанье: «Мир сошёл с ума, и мы вместе с ним…». Сказав это, «он быстро стащил с себя джинсы и быстро высвободил Лизу от лишних деталей одежды…».

Не так часто в романе появляется сестра Лизы Ленусь и её муж Мишуня. Московские снобы, открыто презирающие деревенских жителей и считающие того же Глеба конченым лохом. Род занятий их не указан, но можно догадаться, что они из «новых русских», тогда только-только пролезавших в наше существование. Скупыми точными мазками рисует автор их характеры и привычки, их паразитические наклонности. И становится ясно и понятно, что «гнильба» коснулась не только деревни, но и города. И общественная болезнь эта в каменных джунглях, среди накатывающих волн безудержного потребления и вседозволенности – были б только деньги, и желательно как можно больше! – эта гнильца человеческая, пожалуй, пострашнее беды, что тогда же на сломе веков накрыла русскую деревню. Потому как вокруг погибающих селений всё-таки есть леса, реки, луга, в которых всё еще обитают жизнь и душа, куда еще можно прийти и среди освежающего шелеста листьев и журчания прозрачной воды очиститься, смыть с себя налипшую скверну. В городе же, посреди ядовитых выхлопов и вселенского гвалта, трудно отыскать хоть капельку живого, не искусственного и не обескураживающего.

К сожалению, Лиза – эта добрая и отзывчивая девушка, не прошла испытания жизнью и любовью. Печальна концовка романа. Группа призывников, до сотни, среди них и Глеб, сидят на мраморном полу станции «Октябрьская» столичного метро, на пути к месту будущей службы. Лиза, занятая подаренной ей Ленусей тогдашней диковинкой – сотовым телефоном, в котором пока еще всего три номера: сестры, Мишуни и Фильки, выходит из вагона, бросив взгляд на призывников. Солдатики были все одинаково зелёные. «Лизе показалось, что она увидела Глеба. Но, быстро отвернувшись от этой сплошной зелени и бритых разноцветных голов, она побежала к эскалатору. Странное шевеление души, будто чего-то живого, почувствовала Лиза. Она вышла из метро и, в ужасе от того, что вернётся нечто мучительное, купила у бабки букет незабудок. Незабудки успокоили её. Они не пахли, они были как будто из ненастоящего материала, но живые. Они были как она…».

Когда я закончил читать этот захватывающе-талантливый роман, вдруг подумалось, а что же ждёт в будущем главных героев, как сложится их судьба? У Глеба, как минимум, два варианта: отслужить и вернуться в деревню добивать себя, и второй – после армии уехать к родной бабушке на море, куда всё время рвалась его мятежная душа, и там, среди стихии волн и приключений найти себя. А вот у Лизы, на мой взгляд, жизнь дальше выстроится внешне благополучная, изобилующая всякими вкусностями-пресыщениями и путешествиями, но в сердце-то у девушки всё выгорело; и самое грустное, что она теперь ужасно боится своего прошлого. Хотя, как я понял и прочувствовал, погружаясь в их отношения – любовь у них была самой высокой и чистой пробы. И тут я позволю себе немножко перефразировать автора: из настоящего материала и пронзительно живая…

Александр НЕСТРУГИН

Балтрайон

Заметки о книге стихов Игоря Голубя «Путь домой»

Мы смотрим на тех, кто идёт за нами, вроде бы и с надеждой, но в то же время и с недоверием каким-то, с недоумением: они другие, они на нас не похожи! Они вязнут в Сети, они заняты, вместо несуетного служения поэзии, какой-то мелкой тусовочной вознёй, а главное, в них мало того тревожного чувства, которое одно только и делает пишущего стихи человека русским поэтом, – «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам». Но так ли уж верны все эти наши «взрослые» охи-вздохи, всегда ли они справедливы?

С Игорем Голубем я познакомился в Воронеже на представительном совещании молодых писателей «Школа Платонова». Он был в семинаре, которым мне довелось руководить, и в ходе обсуждения рукописи некоторые участники говорили о его стихах как о слишком «простых», «лобовых». Это было верным лишь отчасти: когда человек говорит – открыто, не прячась за тонко усмехающегося лирического героя, – о любви к отчему дому, к своему родному краю, не всегда получается остеречь строку от дружбы с излишним пафосом и риторикой. Но при этом за строкою чётко проступала фигура человека цельного, неравнодушного, идущего к людям, а не в сторону башни из слоновой кости.

А ещё в стихах Игоря явно присутствовало редкое для современного молодого поэта чувство – неотъединенности от тревог, забот и чаяний всей нашей большой страны. Это было тем более удивительно, что живет он на «Крайнем Западе», в городе, который после разрушения Советского Союза стал «отшибом», чуть ли не отрезанным ломтем России. Во всяком случае, не так уж мало среди наших соотечественников тех, кто ассоциирует город этот вовсе не со «всесоюзным старостой» Калининым, а с философом Кантом, совершенно «не нашим», хоть и близким русскому сердцу знаменитым пассажем о звёздном небе и нравственном законе. С конца минувшего века нас настойчиво убеждают – не только уязвлённая Европа, но и «глубокомыслители» местного розлива, – что «город Канта», наполненный великими тенями и призраками своей многовековой тевтонской истории, никогда не станет России родным «по духу и крови». Голоса противников этой лукавой теории, заглушаемые взвизгами либеральной тусовки, почти не слышны, власть «толерантно» отмалчивается.

Может ли, вправе ли вмешаться в этот непростой спор, столь далёкий от изящной словесности, поэзия? Игорь Голубь, автор тоненькой, тетрадочного формата книжки с очень точным названием «Путь домой», на первый взгляд об этом даже не задумывается. Он просто живёт – на своей земле, в своём родном городе. Живёт активно, молодо, неравнодушно. Пишет стихи. И в стихах этих – вглядывается в жизнь, прислушивается к стуку своего сердца. Грустит. Радуется. Делает открытия. Ностальгирует:

Скоро будут праздники,
Холод, слякоть зимняя…
Мой трамвайчик красненький,
В детство увези меня…

Пока всё – «как у всех», лишь абрис, набросок; ясно только, что детство у автора этих строк – городское. Но у этой юной ностальгии есть и свои точные координаты-имена: «Я еду на трамвае «двойка» / в забытый всеми Балтрайон». Вы слышали, уважаемые читатели, это название? И я о таком районе, почему-то невольно навевающем военно-морские ассоциации («Балтфлот», «укрепрайон»), понятия не имею. А узнать хочется. И вот уже не автор, а я сам, влекомый тайною читатель, недолго думая, сажусь в лязгающую закрывающимися дверями «двойку» – и еду:

Смотрю в окошко по старинке
На древний мир из кирпича.
А выйду на Балтийском рынке,
За ним вкуснее алыча.

Выйду, потянусь к алыче, налитой спеющим жёлтым – нет, янтарным! – светом, и вспомню, обязательно вспомню:

Сюда собаки провожали
Нас громким лаем
каждый раз,
А мы с тобой
за гаражами
Друг с друга
не сводили глаз.
Журчали
старенькие трубы,
Переносящие тепло.
Крапива ноги жгла,
но губы
Потом ещё
весь вечер жгло.

И через время, сглотнув горячий комок, замечу не без грусти: «То место, в котором я вырос, местами другое уже…». И не побоюсь признаться – большому миру, родному городу, уходящей юности – в своей повзрослевшей мальчишеской любви:

Ты знаешь, я многое понял –
Ведь время проедет по нам.
Но я узнаю тебя, Понарт,
По кирхе и старым домам,
По скрипу таинственных лестниц…

И потом, уже возвращаясь – «брусчатка под ногами чешуей, / и ветки, словно связаны узлами» – остановлюсь, где «мёрзнут кошки в кустах алычи», скажу негромко, только себе и темноте:

Мне не нужно для шага ни метра,
Эта улица детства моя.
Провода под порывами ветра
И трамвайная колея…
Я нашёл своё место и нишу,
Моя память мне словно броня,
Я дыхание улицы слышу –
И она согревает меня.

Постою на остановке, хоть здесь «трамвай уже годами не звенел», дождусь знакомой «двойки» и поеду назад. И буду вспоминать, глядя в окошко, «кафешку на углу Сосновой / и старый дворик на Ольховой», «и обаяние Кленовой». И улицу Тихорецкую, которой посвятил написанное сегодня стихотворение. И Октябрьскую площадь, где «чёрный рот бомбоубежки». И кинотеатр «Родина», где «галдят весёлые подростки, / спускаясь от киношных касс». И ещё многое, очень многое – ставшее частью моей судьбы, близкое, неизбывное, родное…

Сентиментальное путешествие это скоро закончится, и новый день, «в охапку ухватив», вернёт меня в современность, без которой, как и без памяти, не прожить:

Сегодня рано встал с утра,
Свистел на кухне старый чайник,
Потом на улице ветра
Швыряли голубей и чаек…

Этот новый день понесёт меня «вдоль низкого забора», вместе с «толпою сонной, целой ротой» в переполосканные «дождём и каждодневною работой» будни. Но мне не станет от этого неуютно и пусто, потому что вечно спешащее движение это – течение самой жизни, которое не иссякнет ни сегодня, ни завтра, ни через годы:

Минуя дней круговорот
И жизнь с борьбой её фатальной,
Спокойно потечёт народ
По Киевской и по Батальной.

…Впрочем, я слишком увлёкся, следуя за своей творческой фантазией. Разумеется, всё, что я вам здесь поведал, принадлежит не мне, а калининградцу Игорю Голубю. Это его свет, его дом, его поэзия. И город – его. А кажется, что и мой тоже. Наш. Почему так? Ведь Игорь Голубь ничего «специально» для этого не делал. Не хватал никого за грудки, не громоздил сногсшибательные аргументы, не оттачивал свою строку на жёстком публицистическом наждаке до бритвенной остроты.

Он просто здесь вырос – как и тысячи его земляков, детей, внуков и правнуков Великой Победы. Просто жил здесь – именно в Калининграде, а не в Кёнигсберге или некоем условном «городе Канта». Грустил. Радовался. Ностальгировал. Писал стихи – искренние, согретые сердечным теплом, сугубо лирические, вовсе не из разряда «но гражданином быть обязан». И вдруг оказалось, что эта негромкая поэзия, вполне себе традиционная, без сыплющих искрами метафорических фейерверков и модных нынче иронических смысловых вывертов, умеет сказать о многом.

О том, что город, который мы увидели в стихах, – по слову, по судьбе, по «духу и крови» – наш, а не чей-то.

И земля, на которой он стоит, даже забранная тяжёлой, крепко сбитой, веющей холодом иных времён брусчаткой, – не чужая.

И страна, которой эта дальняя, оторванная теперь от «материка» земля принадлежит по праву, имеет, ныне и присно, одно только имя – Россия.

Княз Гочаг ГУРБАНОВ

Роман о Романовых

Книга о семье последнего российского императора

В мае 2021 года планируется довольно большим для России тиражом – 20 тысяч экземпляров – выход романа тюменского писателя Сергея Козлова «Романовы: преданность и предательство. Роман-Калейдоскоп». Книга – о семье последнего российского императора и ее окружении. По роману будут сняты сериал и полнометражный фильм. Это масштабный проект, в котором принимают участие несколько российских регионов и Сербия. Идея проекта возникла у кинопродюсера Олега Урушева, который недавно завершил масштабный проект «Тобол». Он и пригласил тюменского писателя Сергея Козлова для написания сценария сериала по роману, охватывающему событийный период 1914-1918 гг. Писатель, в свою очередь, обратился за помощью к своему давнему другу и соавтору известного поэту Дмитрию Мизгулину, а также лучшему специалисту в этой теме историку-архивисту Владимиру Хрусталеву, который стал главным консультантом проекта. Со стороны Сербии таким консультантом выступила писатель и переводчик Любинка Милинчич. В работе также приняли участие филологи, историки, богословы…

Роман-калейдоскоп – как обозначили жанр авторы – представляет собой хронологически линейное, но неоднородное – мозаичное повествование. Своеобразный срез эпохи, судеб, исторических персонажей. Помимо редких документальных источников он опирается и на так называемые апокрифы – исторические легенды, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, что придает тексту и мистическую и авантюрную окраску.

Количество вымышленных героев в этом романе исчисляется единицами, все персонажи – исторические лица, поэтому в конце текста авторы разумно разместили приложение, в котором можно увидеть итог судьбы каждого, даже верного друга цесаревича Алексея – спаниеля Джоя. Это роман не «за белых», не «за красных», это роман о преданности и предательстве, о долге, вере и чести.

Было ли влияние иностранных или тайных сил на драматические события в России? Авторы отвечают – было, но не придают этому влиянию решающего значения. Трагическая судьба царской семьи определена, в первую очередь, падением нравственного уровня самой российской элиты. Мозаика текста нанизана на судьбу вымышленного ротмистра военной разведки Арсения Орлова. Хотя такой человек вполне мог быть, жить, и такие, несомненно, были. Как, например, реальные герои – капитан Павел Булыгин, ротмистр Крымского полка Николай Седов, который, кстати, умер в 1984 году (!) в Иерусалиме в чине архимандрита. Мало кто знает, что учитель английского языка цесаревича Сидней Гиббс принял православие под именем Николай, а затем монашество под именем Алексий…

Огромную помощь в работе оказали книги историка Владимира Хрусталева и его советы. Совместная работа авторов была проведена и в Санкт-Петербурге, Гатчине, Царском Селе, Тюмени, Тобольске, Екатеринбурге и Перми, а также в столице Сербии Белграде, где был установлен первый в мире памятник императору Николаю Второму. Сегодня памятник семье страстотерпцев установлен и на набережной города Тюмени, откуда их везли на пароходах в ссылку в Тобольск.

Удивительны переплетения судеб героев. Оказывается, что семью матери императора и его сестёр, хотел он того или нет, спас матрос-большевик Задорожный, который защитил их от расстрельного приговора Ялтинского совета, а это позволило им покинуть Россию на английском крейсере. А сам Задорожный и его сыновья погибли в 1942 году, защищая Севастополь от фашистов.

Интересным будет читателю и исследование причин поведения английского короля Георга V, который был внешне очень похож на Николая Александровича, их даже путали. Почему в последний момент английский король забрал свой запрос в парламент о приеме семьи Романовых в королевстве? Ведь обе палаты парламента готовы были оказать такую помощь своему верному союзнику. Ведь даже немецкий император Вильгельм, пока его самого не постигла участь свержения, тоже имел планы по спасению – но не всей семьи, а сестры Александры Федоровны – Елизаветы Федоровны Романовой, которая сегодня причислена к лику святых как мученица. В юности немецкий император был в нее влюблен…

Разумеется, есть там главы и о знаменитой «Дикой дивизии», которой командовал некоторое время брат императора Михаил Александрович и князь Хан Нахичеванский – азербайджанец по национальности, который не предал императора, в отличие от остального генералитета.

Пандемия приостановила работу над фильмом, но книга уже прошла стадию верстки. Идет предпечатная подготовка. Я побывал у Сергея Козлова дома, и был поражен объемом обработанного материала. Только тетради от Дмитрия Мизгулина, исписанные мелким почерком, составляли несколько сотен страниц, а для документов, монографий и книг о Романовых отведен отдельный шкаф. Помощь авторам оказывали их друзья в Сербии, Великобритании, Германии, Франции, не говоря уже о России, а главное – Тюменской области.

Город Пыть-Ях, Югра